

Человеческий мир больших чувств

Жизнь и книги Рэя Брэдбери

Методико-библиографические рекомендации

Человеческий мир больших чувств: жизнь и книги Рэя Брэдбери: методико-библиографические рекомендации / сост. В. М. Лутченкова; ред. В. С. Матюшина; техн. ред. Е. Б. Саидова; отв. за выпуск С. А. Петрищенкова. – Смоленск: ГБУК «Смоленская областная библиотека для детей и молодёжи», 2021. – 32 с.

Данное издание подготовлено к 100-летию со дня рождения Рэймонда Дугласа Брэдбери. В нём представлены материалы для проведения литературного часа, вечера для учащихся 9 – 11 классов.

Примечание: сноски на цитаты оформлены в квадратных скобках [1; С. 2], где первая цифра – номер источника в списке литературы, вторая – номер страницы в источнике.

Приложение: «Человеческий мир больших чувств»: презентация «Передай добро по кругу». Нумерация слайдов дана по презентации. Текст пособия и содержание презентации составляют единое целое.

Слайды 1, 2

С чего начать эту удивительную историю?

Попробую-ка... с середины.

Середина истории датируется ноябрём 1941 года. Ещё точнее – днём выхода в свет очередного номера американского журнала фантастики «Сверхнаучные истории», в котором дебютировал наш герой. Четырьмя месяцами раньше, в самый разгар июльской духоты, из нью-йоркской конторы редакции через всю Америку, в Лос-Анджелес полетела бандероль. Содержимое конверта сводилось к стандартному письму за подписью редактора Оддена Нортон, в котором адресата извещали, что его рассказ «Маятник» принят к публикации, и приложенному чеку.

18 июля письмо было получено. На почтовой квитанции долговязый юноша в очках и с улыбкой в пол-лица расписался так: Рэй Брэдбери.

Автора-новичка ещё никто не знал, и заплатили ему, как водится, немного: 27 долларов 50 центов. Но разве в деньгах было дело: до того рассказы дебютанта печатались только в любительских «самопальных» изданиях – а тут первая публикация в профессиональном журнале, который читали по всей Америке! Лучшего подарка ко дню рождения, которого оставалось ждать месяц с небольшим, начинающему автору, конечно, трудно пожелать. И хотя рассказ был написан в соавторстве (известный уже писатель Генри Хассе, живший по соседству, любезно согласился выправить текст – а в результате

переписал рассказ целиком), и даже в таком, улучшенном виде оказался, прямо скажем, так себе, – радости это не убавило.

Дебют – всегда радость. Сам Рэй Брэдбери говорил:

Слайд 3 видео; слайд 4

А теперь вернёмся к началу нашей истории.

Тихий, полусонный городок Уокиган штат Иллинойс. На тенистых перекрёстках степенно раскланивались друг с другом горожане и не спеша обменивались новостями. В городке все знали всех.

Не исключением была и семья Брэдбери. Дед и прадед будущего писателя, потомки первопоселенцев-англичан, приплывших в Америку в 1630 году, в конце прошлого века издавали две иллинойские газеты: в провинции это уже определённое общественное положение и известность. Как, впрочем, и свидетельство принадлежности к местной «интеллигенции». Тут же, в Уокигане, родился и вырос отец Рэя – Леонард Сполдинг Брэдбери. К моменту рождения Рэя Леонард Брэдбери, которому не исполнилось и тридцати, служил линейным монтажником в электрической компании.

И вот 22 августа 1920 года произошло событие, имеющее самое прямое отношение к нашему рассказу.

В четыре часа пополудни крик новорождённого огласил родильное отделение больницы на улице Сент-Джеймс-стрит, 11, в городе Уокиган штат Иллинойс. Счастливые родители назвали малыша Рэймондом Дугласом. Но сколько он помнит себя сам, никто и никогда не называл его иначе, чем просто Рэй.

Мать Рэя была по национальности шведкой, так что по материнской линии он вполне мог считать себя викингом. С матерью у мальчика было полное взаимопонимание. Отец, напротив, держал сына на некотором расстоянии. Позже, уже когда Рэй повзрослел, их отношения наладились, и в сборнике

сочинения в трёх томах : т. 3. / Р. Брэдбери. – Москва : Олимп, 1992. – С. 272-302.

11. Подольный Р. Послесловие // Брэдбери Р. Р – значит ракета / Р. Брэдбери. – Москва : Детская литература, 1973. – С. 184-189.

12. Прашкевич Г. М. Брэдбери / Геннадий Прашкевич. – Москва : Молодая гвардия, 2014. 351с.: фотогр. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.: вып.1485).

13. Ревич В. Любовь и ненависть Рэя Брэдбери // Брэдбери Р. Память человечества / Р. Брэдбери; сост. Р. Рыбкин. – Москва : Книга, 1981. – С. 5-12.

14. Романова Е. Рэй Брэдбери предостерегает // Брэдбери Р. Марсианские хроники / Р. Брэдбери. – Москва : Мир, 1965. – С. 7-24.

15. Рыбкин Р. Л. Послесловие // Брэдбери Р. Вино из одуванчиков / Р. Брэдбери. – Москва : Художественная литература, 1989. – С. 394-397.

16. Энциклопедия для детей. Т. 15. Всемирная литература. Ч. 2. XIX и XX века / глав. ред. В. А. Володин. – Москва : Аванта+, 2001. – 656 с., ил.

Список литературы:

1. Брэдбери Р. Д. Избранные сочинения в трёх томах. Т. 1. Марсианские хроники; 451° по Фаренгейту: пер. с англ. / Р. Д. Брэдбери. – Москва : Олимп, 1992. – 320 с.
 2. Брэдбери Р. Д. Избранные сочинения в трёх томах. Т. 2. Вино из одуванчиков : повесть; Рассказы: пер. с англ. / Р. Д. Брэдбери. – Москва : Олимп, 1992. – 335 с.
 3. Брэдбери Р. Д. Избранные сочинения в трёх томах. Т. 3. Что-то страшное грядёт : роман; Канун Всех святых: повесть: пер. с англ. / Р. Д. Брэдбери. – Москва : Олимп, 1992. – 303 с.
 4. Брэдбери Р. Были они смуглые и золотоглазые: пер. с англ. / Р. Брэдбери; сост. Л. Б. Бурый, М. И. Посошкова. – Москва : Профиздат, 1991. – 351 с.
 5. Брэдбери Р. Время, вот твой полёт: сборник науч.-фантаст. рассказов: пер. с англ. / Р. Брэдбери; сост. Р. Рыбкин; предисл. автора. – Москва : Детская литература, 1991. – 351 с.: ил. – (Б-ка приключений и научной фантастики).
 6. Брэдбери Р. Р – значит ракета: фантаст. рассказы / Рэй Брэдбери; пер. с англ. Н. Галь, Э. Кабалевской, сост. Л. Жданов, рис. М. Романдина. – Москва : Детская литература, 1973. – 190 с.
 7. Брэдбери Р. 451° по Фаренгейту: фантастическая повесть / Р. Брэдбери; пер. с англ. Т. Шинкарь. – М. : Детская литература, 1983. – 160 с., ил. – (Библиотека приключений и научной фантастики).
- ***
8. Андреев К. Один из Брэдбери // Брэдбери Р. Вино из одуванчиков / Р. Брэдбери. – Москва : Мир, 1967. – С. 5-16.
 9. Бережной С. Живые машины времени или Рассказ о том, как Брэдбери стал БРЭДБЕРИ // Мир фантастики. – 2012. – № 08 (т. 108). – С. 18-23.
 10. Гаков Вл. Побег из детства // Брэдбери Р. Д. Избранные

«Лекарство от меланхолии» появилось необычное посвящение: «Моему папе, чья любовь, хоть и столь запоздалая, так радостно меня удивила...» [10; С. 276].

Детская память – самая яркая и цепкая, говорят психологи. Остаётся позавидовать детству Брэдбери, раз память его сохранила только эти лица – добрые и светлые.

Он отчетливо помнил первый снегопад в жизни. Более позднее воспоминание – о том, как его, тогда ещё трёхлетнего несмышлёныша, родители первый раз взяли с собой в кино. Шёл нашумевший немой фильм «Горбун собора Парижской богородицы», и образ уроды поразил маленького Рэя до глубины души.

Но его воображение будоражили и детские страхи. В раннем автобиографическом эссе он писал:

«Среди моих первых воспоминаний есть и такие: я поднимаюсь ночью по лестнице и вижу мерзкое чудовище, поджидающее меня на предпоследней ступеньке. Я вскрикиваю и бегу изо всех сил к маме. Затем мы поднимаемся по лестнице вместе с ней. Чудовище неизменно прячется. Маме так ни разу и не удалось его увидеть. Временами мне было даже обидно, что ей не хватает воображения... Все первые десять лет моей жизни призраки, скелеты и прочие детские страхи постоянно квартировали в моей голове» [9; С. 19].

Но в этой голове квартировали не только детские страшилки – с самого раннего детства у Рэя была неодолимая тяга к волшебному вымыслу. Он с упоением слушал, как мама читала ему «Волшебника страны Оз» и с таким же восторгом внимал тётушке, которая сказкам предпочитала рассказы Эдгара По.

Слайд 5

Однажды он попал на выступление знаменитого иллюзиониста Блэкстона. Магия произвела на Рэя совершенно

неизгладимое впечатление. Он захотел стать фокусником.

В 1926 году ему исполнилось шесть лет – и сколько новых потрясений, поворотов, светлых и грустных, уготовила ему судьба в этот год!

Рэй поступает в первый класс, однако и месяца не проходит, как неожиданный круговорот событий вновь резко меняет всё его существование.

Новое чудо, доселе не изведенное, чудо из чудес – путешествие: семья Брэдбери переезжает в Аризону, буквально через всю страну! А шестилетний Рэй испытал всё это наяву. Первый раз в жизни у него появилась возможность вволю поглазеть по сторонам, наблюдая Америку – во всём её разнообразии. Он часто будет это делать в дальнейшем: ездить по стране и смотреть, смотреть, смотреть – из окон поездов или высовываясь из обшарпанного «фордика», на котором семья перевозила нехитрые пожитки за тысячи километров.

Слайд 6

Но вскоре в мае 1927 года, семья возвращается в Уокиган.

Снова грустное и радостное перемешано: умерла от пневмонии годовалая сестрёнка и чуть было не утонула двоюродная, – но год принёс с собой и новые радости, неизменные спутники беззаботной мальчишеской жизни: игры, тайны, «зарытые сокровища» и «стычки с индейцами», бесконечные «прерии» и «труднопроходимые джунгли». Как всё это легко представить себе в семилетнем возрасте, лазая по городским пустырям и окрестным рошицам!

Мальчик где-то подхватил коклюш, и на три недели его уложили в постель. Долгими вечерами мать читает при свечах жуткие истории Эдгара По, а впечатлительный Рэй слушает затаив дыхание. Будущему писателю надолго запомнились эти зимние вечера в отблесках свечей.

и даже какая-то сонная; на ней много зелени, так что на миг даже теряешь ощущение, что ты – в центре многомиллионного города. Дом снаружи – самый обычный, не скажешь, что принадлежит писателю, книгами которого зачитываются в десятках стран мира. Но внешность дома обманлива. Стоит заглянуть внутрь, добраться до святая святых – до рабочего кабинета писателя, скорее напоминающего музей, приготовившийся к срочной эвакуации: уйма картин, статуэток, масок, завалы книг, журналов, сквозь которые надо еще исхитриться протиснуться к письменному столу, тоже заставленному всякой всячиной (и, конечно, никаких компьютеров – могучая «чугунная» пишущая машинка годов, наверное, пятидесятых...), – и понимаешь: тут, в пещере, полной сокровищ, колдовал Волшебник!

Слайд 41

Слайд 37

Будучи уже довольно пожилым человеком, каждое утро Брэдбери начинал с работы над рукописью очередного рассказа или повести, веря в то, что ещё одно новое произведение продлит ему жизнь.

Книги выходили почти каждый год. Последний крупный роман увидел свет в 2006 году, ещё до выхода получив высокий покупательский спрос. Последний рассказ писателя, «Пёс в красной бандане», был написан и напечатан летом 2010 года.

Слайд 38

В 79 лет Брэдбери перенёс инсульт, после чего все последние годы жизни был прикован к инвалидному креслу, однако сохранял присутствие духа и чувство юмора.

В 2010 году, в год своего юбилея, Рей Брэдбери с присущим ему юмором заметил:

«Знаете, а девяносто лет – это вовсе не так круто, как я когда-то думал. И дело даже не в том, что я езжу теперь по дому в кресле-каталке, постоянно застревая на поворотах, нет, просто сотня лет звучит как-то солиднее. Представьте себе заголовки в газетах всего мира: “Рэю Брэдбери исполнилось сто лет!” Мне бы сразу выдали какую-нибудь премию. Ну, хотя бы за то, что я ещё не умер» [12, С. 319].

Слайд 39

5 июня 2012 – на 92-м году жизни в Лос-Анджелесе умер знаменитый писатель Рэймонд Дуглас Брэдбери. На его надгробии простая надпись: «Рэй Брэдбери. 1920. Автор 451⁰ по Фаренгейту».

Слайд 40

Но не хочется верить, что его уже нет. Кажется, что он и сейчас живёт там, в Лос-Анджелесе, недалеко от фешенебельного квартала миллионеров и кинозвёзд – Беверли-Хиллз. Впрочем, улочка Чевинот-драйв, на которой расположен его дом с непривычным на наш взгляд номером – 10265, – тихая

Слайд 7

Но проходит зима, и вновь – радостные весна и лето. Только лето это необычное: об этом, вроде бы ничем не примечательном лете 1928 года читатели Брэдбери знают так много, что и добавить нечего. В книге «Вино из одуванчиков», вышедшей спустя почти три десятилетия, он всё сам подробно рассказал – каким был тогда, чем грезил и чего боялся.

Лето двадцать восьмого года Рэй Брэдбери запомнил на всю жизнь. Почему именно это? В книге об этом ни слова, и можно только строить догадки. Но вот осенью определенно случилось событие, которое подвело черту беззаботному и внешне бесцельному детскому существованию, – и как знать, может быть, лето 1928 года стало действительно последним «детским» летом Рэя Брэдбери.

Слайд 8

Совершенно случайно к нему в руки попал номер *Amazing Stories Quarterly* – толстого ежеквартального журнала фантастики. Это было бумажное сокровище, преисполненное магии. На ярко-жёлтой обложке гигантские, больше двух метров ростом, красные муравьи преследовали человека. Какой мальчишка смог бы спокойно смотреть на такое? Обложка обещала невероятные приключения. От неё веяло именно тем, что стало едва ли не главным достоинством ранней журнальной фантастики, – ощущением Чуда. Восторг перед чудом был сильнее страха перед чудовищами. И с этого момента жизнь Рэя пошла в строго предопределённом направлении.

В 1932 году бедствия Великой депрессии сорвали семью Брэдбери с места. Из Иллинойса они переехали в Аризону.

Слайд 9

За день до отъезда Рэй снова попал под действие магии. Мистер Электрико, иллюзионист из бродячего цирка,

разбившего шатры на берегу озера Мичиган, сказал мальчику, что узнаёт в нём старого друга, который погиб в 1918 году в Арденнах. По словам мага, Рэй унаследовал душу его приятеля. Это было не на представлении, фокусник просто разговаривал с мальчиком.

«Почему он сказал это? Не знаю. Может быть, он увидел во мне готовность принять какую-то новую судьбу? Откуда мне знать... Но я помню, что он сказал мне «Живи вечно» – и подарил мне моё будущее, а заодно и моё прошлое – много лет жизни до того дня, когда его друг погиб во Франции...» [9; С. 19]

Сам Брэдбери был уверен, что начал писать именно благодаря встрече с Мистером Электрико.

Почему бы нам не поверить ему?..

Слайд 10

В Аризоне Рэя ждал настоящий клад: один из местных ребят собрал целый ящик журналов фантастики, и Рэй прочитал их все. Марсианские эпопеи Берроуза настолько потрясли его воображение, что он, не в силах преодолеть жажду приключений, принялся творить их сам. Тем летом его настоящей Машиной Чудес стала игрушечная пишущая машинка, у которой были одни заглавные буквы. Ещё двумя годами позже, в 1934, судьба и Великая депрессия перенесли его семью в Лос-Анджелес. К этому времени Рэй превратился в полноватого очкарика, традиционного школьного изгоя, которого сверстники никогда не звали играть в бейсбол.

Что ему оставалось? Только чтение. И фантастические рассказы, порождённые собственным воображением.

Слайд 11

Вспоминая юношеские годы, Брэдбери сказал:

«Я, наверно, написал больше произведений о библиотеках, книгах и чтении, чем любой другой американский

другие. Этот день будет соткан из таких вот тончайших паутинок, и не только из них; он будет соткан из тысячи разных запахов, блеска, сияния, и – снова из многих-многих чудесных запахов, весь этот день можно будет втянуть носом в себя, как воздух.

«Вдохнуть и выдохнуть», – подтверждает отец.

И добавляет: «А в другие дни можно будет услышать каждый гром, каждый шорох вселенной».

И вообще, говорит отец, бывают такие дни, когда все вокруг пахнет так, будто там, за ближними холмами, невесть откуда взялся огромный фруктовый сад.

А то еще, гляди, кто-то неведомый захохочет в лесу...

Рукопись получилась на удивление объёмная. «Возьми эту свою книгу за уши, – будто бы сказал издатель Рэю, – и потяни в разные стороны. Сам увидишь, что она сама будто по какому-то невидимому шву вдруг легко разорвётся на две части. Каждая вторая глава из неё попросту выпадет, зато каждая оставшаяся займёт полагающееся ей место».

Подумав, Брэдбери так и поступил.

Повесть «Вино из одуванчиков» – одна большая книга о вечной любви – вышла в свет в 1957 году. В книге было посвящение Уолтеру Брэдбери:

«...не дядюшке и не двоюродному брату, но, вне всякого сомнения, издателю и другу».

Слайд 36

К Брэдбери пришла настоящая писательская слава. Он много пишет: романы, повести, пьесы, стихи, сценарии к фильмам. Также в то время на кабельном телевидении начал выходить сериал «Театр Рэя Брэдбери», в котором были экранизированы многие рассказы писателя. В этот период жизни Брэдбери получил множество наград в области литературы и искусства в целом.

В июне 1956 года в Голливуде прошла премьера фильма «Моби Дик». Сценарий к этому фильму написал Рэй Брэдбери

Брэдбери волновался. Слишком многое стояло за этой работой – обретения и потери, надежды и разочарования. Правда, благодаря работе над «Моби Диком» он посмотрел Европу, подружился с американским историком искусства и художественным критиком Бернардом Беренсоном, да и мало ли что там еще было...

На премьеру съехался весь звездный состав, включая актёра Грегори Пека.

Конечно, приехал и кинорежиссер Джон Хьюстон. Они обменялись с Рэем коротким холодным рукопожатием – всего лишь, но фильм Рэю очень понравился. Глядя на экран, он невольно плакал, повторяя про себя: «Чёрт возьми, а ведь это хорошо... Это хорошо, чёрт возьми... Это просто хороший фильм...» [12; С. 188].

Слайд 34 видео; слайд 35

Но есть ещё один Брэдбери – великолепный писатель-романтик, автор автобиографической повести «Вино из одуванчиков», которую он, вероятно, любит больше всех других своих книг.

Вино из одуванчиков. Ну а какое ещё вино в эпоху «сухого закона»? В маленьком городе в штате Иллинойс живут два брата – мальчики Дуглас и Том. И мельчайшие события одного лета, которые кажутся незначительными взрослым, становятся для них магическими чарами и волшебством открытия мира.

Вот Дуглас Сполдинг, маленький Дуг, натывается на легкую невидимую паутинку. Казалось бы, ничтожная деталь, что она может значить? Но Дуглас неожиданно (это как вспышка в мозгу) понимает, что день сегодня будет совсем не таким, как

писатель, и справедливо будет считать меня выпускником библиотек. Я кончил только среднюю школу, это было в Лос-Анджелесе, в 1938 году. К тому времени я уже твердо знал, что хочу быть писателем. Я стал продавать газеты на углу, занимался этим три или четыре года, а в свободное время писал. И почти все вечера проводил в библиотеке, в главной городской или в другой какой-нибудь. Бродить по библиотеке для меня было интересней всего на свете: снимешь книгу с полки и сразу в нее влюбишься или наоборот; сядешь или станешь где-нибудь и на листочках бумаги, которые читатели могут брать для записей, пишешь очередную рассказ. Я был беден, а эти бесплатные листочки всегда были рядом, только руку протяни, и я, бывало, напишу на них прямо в библиотеке полрассказа, несу всю пачку домой и там перепечатаваю на машинке.

Библиотека притягивала меня как магнит. И даже теперь я не меньше, чем тогда, люблю там бывать» [5; С. 5].

Так, не поступивший в колледж, Брэдбери закончил своё образование – одни только книги, читанные и перечитанные дома и в библиотечных залах, стали его «университетами». Он никогда не забывал эти удивительные часы, дни, месяцы. Эти копания в подшивках выцветших газет и книг в пыльных переплётках, тишину, как в храме, и лёгкую дрожь, которую он испытывал, стоило только коснуться пальцем заветного корешка в позолоте.

К литературе Брэдбери относился как к матери – иногда, бывает, выводит её из себя, не слушаясь наставлений и упрямо пытаюсь всё сделать по-своему, но всегда ощущая и подчёркивая свою неизменную любовь и почтение. Он и правда плоть от плоти литературы: чистейший язык и богатство оттенков,

метафор и сравнений в его книгах перешли в наследство от предшественников, не раз читанных и перечитанных.

В первых числах сентября 1937 года Брэдбери познакомился в букинистическом магазине с каким-то парнем, который обратил внимание на его страсть к фантастическим журналам, и пригласил... куда? Не может быть. Он пригласил Рэя на очередное ежемесячное заседание местного отделения Научно-Фантастической Лиги.

Слайд 12 видео; слайд 13

Именно на том заседании кто-то вручил ему номер самодельного клубного журнала Imagination. где были опубликованы рассказы и статьи членов Лиги. Брэдбери вдруг осознал, что в таком журнале могли бы публиковаться и его рассказы. Предложить их в настоящий журнал он бы не осмелился, но в такой – почему бы и нет?..

Его первая публикация состоялась уже через четыре месяца: в январе 1938 года в очередном выпуске Imagination появился рассказ «Дилемма Холлербокена». Рассказ был снабжён всеми недостатками любительской прозы, но как минимум сюжетная идея была свежа: герой накопил невероятное количество энергии благодаря тому, что «остановился во времени», и энергия должна была немедленно высвободиться, если бы он снова начал «двигаться». Время, энергия времени, человек и время – как видите, всё это было уже в самом первом его опубликованном рассказе!

Но Брэдбери был в этом мире пока что почти никем, остряком, который хохмил в журналах, на встречах, на улице, всегда и по любому поводу. Он бурно общался. Он рассылал юморески и заметки во все любительские журналы, до которых мог дотянуться. «Но под всем этим неуправляемым весельем, – писал спустя всего лишь пять лет его близкий друг Брюс Йерке,

кровавом зареве вставала луна».

Белая пыль вместо городов... Как всегда, во все времена те, кто готовил войну, кричали о быстром и победном ее исходе. Воспитанные на этом, героини повести с легкомысленной беспечностью провожают на войну своих мужей. Ведь это просто пустяковая прогулка! На неделю, не больше! Так все говорят...

Кто же умирает на войне? Это смешно. Умирают, прыгая с высоких зданий. Это бывает. А на войне – нет!

Герой повести Брэдбери вспоминает, что его страна выиграла две атомные войны и что благополучие его сограждан куплено ценой гибели и лишения множества людей в других частях света. Но во время разворачивания действия в повести на страну надвигается новая, настоящая и действительно страшная война – война, которая может продлиться всего лишь три секунды, но в эти мгновения будут подняты в воздух города, превращены в пыль люди, машины, здания.

Эта часть повести звучит как трезвое предупреждение. В гневном голосе Брэдбери нет отчаяния. Он не верит в окончательную гибель всего, что дорого сердцу каждого человека. Даже если будут жечь книги, найдутся люди, хранители знаний. Пусть заучат они наизусть отдельные главы или целые книги, пусть сокровищницей станет их память, пусть они будут жить в лесах у костров, порвав связи со стандартным миром телевизиорных стен, отслеживающих электропсов и поджигателей-пожарных.

Писатель-фантаст, не ставивший перед собой каких-либо пророческих целей, даже признавшийся, что пишет, словно воспроизводя собственные сны, оказывается, написав повесть «451° по Фаренгейту», предугадал будущее.

Слайд 33

Он вводит нас в дом рядового американца, знакомит с его опустошенной женой, отгородившейся от жизни ракушками-радиоприемниками, которыми она затыкает уши, и тремя телевизорными стенами своей гостиной. Она окружена бессмысленным сверканием переливающихся красок абстрактных изображений или жадно слушает лишённую смысла, уводящую от жизни болтовню цветных и объемных персонажей, с которыми сроднилась так, что именует их друзьями и даже «родственниками». При помощи хитроумных телеустройств они обращаются к ней, называют её по имени и оглушают беспричинным смехом, забавляют кривляньем в пьесах, которые «ничего» не говорят и в которых «ничего» не происходит.

Жертвой «эфирных тисков» стала жена Гая Монтега Милдред. Мы видим её глазами героя: «...сожжённые химическими составами, ломкие, как солома, волосы, глаза с тусклым блеском, словно на них были невидимые бельма, накрашенный капризный рот, худое от постоянной диеты, сухощавое, как у кузнечика, тело, белая, как сало, кожа». Она никогда не читает книг, страшась их, она только слушает... Она не видит, а только смотрит жадными до зрелищ глазами... И в ответ на признание мужа, что вчера пожарники сожгли тысячу книг и вместе с ними заживо женщину, она равнодушно спрашивает: «Ну и что же?»

Чем бы ни были заняты люди, о чём бы они ни думали, что бы они ни делали, время от времени на их головы громыхающей каменной лавиной обрушивается рёв истребителей, напоминая о близости войны:

«В ту ночь даже небо готовилось к войне. По нему клубились тучи, и в просветах между ними, как вражеские дозорные, сияли мириады звезд. Небо словно собиралось обрушиться на город и превратить его в кучу белой пыли. В

– скрывалось глубокое понимание человеческой природы, и уже видны были зарубки, оставленные временем...» [9; С. 20].

Тогда же клубная жизнь познакомила Брэдбери и с некоторыми писателями-профессионалами из Лос-Анджелеса. На заседания Лиги приходили Генри Каттнер, Артур Барнс, Ли Бреккет, Роберт Хайнлайн. Улыбчивый молодой человек, энергичный и ненасытно жаждущий общения, временами пугал их своей импульсивностью, а уж бесконечными расспросами о том, как стать профессиональным и успешным писателем, мог довести просто до белого каления.

К этому времени Рэй как раз закончил школу и принялся искать, чем заняться во взрослой жизни. Театр? Графика? Литература?.. Юморески вскоре перестали его устраивать, и он перешёл к более серьёзным формам. Но любительские журналы такие рассказы брали не очень охотно. Рэй прекрасно знал, что фантастика испытывает дефицит материалов, и отказам сначала удивлялся, а затем начал с обидой подозревать чуть ли не заговор...

Слайд 14

Но из этой ситуации выход был найден – летом 1939 года Брэдбери выпустил первый номер своего собственного журнала Futuria Fantasia. В этом журнале ему, как правило, не отказывали...

Он сделал четыре выпуска. Обложки для журналов Рэя рисовал Ханнес Бок – художник-любитель, тоже член Лиги. Именно его рисунки Брэдбери захватил с собой, когда летом 1939 года отправился в Нью-Йорк.

Слайд 15

В Нью-Йорке Брэдбери нашёл литературного агента. Джулиус Шварц был тогда одним из немногих активистов, кто тратил время на пристраивание чужих рассказов в журналы. Рэй

отдал Шварцу свои рукописи и вернулся в Лос-Анжелес работать. Он стал разносчиком газет. Будущий классик носился по улицам с криком «Последние новости!» добрых четыре года, с 1938-го по 1942-й, одновременно придумывая новые рассказы, наблюдая за людьми, подмечая яркие детали... Только в 1941 году Шварцу впервые удалось продать его рассказ «Маятник», написанный ещё в 1939 году. В 1942 году Брэдбери решил, что хватит с него «газетной» работы. Он выбрал из своих рукописей всё, что можно было читать без риска для рассудка, и отправился в Нью-Йорк к Шварцу, рассчитывая на его дружеский совет. Шварц, уже имевший к тому времени значительный опыт общения с редакторами журналов помог не только советом. Несколько дней они вдвоём жили за пишущей машинкой: Шварц критиковал то, что Брэдбери писал, а Брэдбери раз за разом послушно переписывал, раз в день выбегая на улицу, чтобы купить молоко и гамбургер – большего он позволить себе не мог, да и у Шварца дела были не настолько блестящими, чтобы кормить Рэя за свой счёт.

Может быть, помогла диета, может быть – советы мудрого Шварца, но рассказ «Дудочник», написанный Брэдбери во время совместного сидения, удалось пристроить довольно быстро.

Это был первый опубликованный «марсианский» рассказ Брэдбери – достаточно прилично сделанный, но не настолько хороший, чтобы удостоиться включения в какой-нибудь из будущих авторских сборников 50-х-60-х годов.

Отойдя от машинописной лихорадки, Брэдбери посмотрел на свой текст со стороны и остался недоволен. Он видел, как, что и зачем он сделал, он сознавал, что рассказ приобрёл привычный для издателей вид, – но было ясно, что одновременно «Дудочник» что-то потерял. Исчезли странные, ни на что не

мчится на своих машинах-саламандрах, чтобы уничтожить, испепелить «ужасные книги», плод мыслей и раздумий человека, а вместе с ними сжечь, превратить в пепел «заражённый» дом ослушника, преступившего основной закон будущего, запрещающий человеку читать книги.

Слайд 31 видео; слайд 32

Книга Брэдбери не «лупа времени», а «лупа совести», в которой вызывает каждая его строка. Как можно было дойти до мысли уничтожить все книги?

Брэдбери словами брандмейстера Битти отвечает на это:

«Темп ускоряется. Книги уменьшаются в объеме. Сокращенное издание. Пересказ. Экстракт. Не размазывать! Скорее к развязке!.. Произведения классиков сокращаются до пятнадцатиминутной радиопередачи. Потом еще больше: одна колонка текста, которую можно пробежать за две минуты; потом еще: десять – двадцать строк для энциклопедического словаря».

И далее:

«Срок обучения в школах сокращается, дисциплина падает, философия, история, языки упразднены. Английскому языку и орфографии уделяется все меньше и меньше времени, и, наконец, эти предметы брошены совсем. Жизнь коротка. Что тебе нужно? Прежде всего работа, а после работы развлечения, а их кругом сколько угодно, на каждом шагу, наслаждайтесь! Так зачем же учиться чему-нибудь, кроме умения нажимать кнопки, включать рубильники, завинчивать гайки, пригонять болты?» [7; С. 58-59].

В самом деле, зачем учиться, зачем читать, если книги полны крамольных мыслей?!

А от костров из книг, от охоты за мыслями и доносов к временам пожарника Монтэга – один шаг. Этот возможный шаг и рассматривает через «лупу совести» Рэй Брэдбери.

«451° по Фаренгейту»! Что это такое? Что означает эта цифра?

Посмотрим эпиграф к повести:

«451° по Фаренгейту – температура, при которой воспламеняется и горит бумага...»

Почему бумага?

Перевернём несколько страниц, и писатель перенесёт нас в мир будущего...

Мир будущего? Вот он, «мир будущего», отвечает нам автор, смотрите и... ужасайтесь!

Героев повести окружают «чудеса» достижений техники, которые со свойственной ему прозорливостью сумел предугадать писатель. Радио и телевидение, автоматика и телемеханика, кибернетика и атомная техника достигли небывалого уровня развития. Но это не принесло людям ни счастья, ни радости; чудеса техники наступают на живую природу и разум человека. В царстве технократии люди глубоко несчастны и разобщены. Некогда мирные профессии, призванные служить человеку, обращены отныне против него.

Мы знакомимся с рядовым пожарником XXI века, который давно уже не тушит пожары, не спасает людей и их имущество от огня. Нет, Гай Монтэг – главный герой повести, профессиональный и потомственный пожарник – начинает свою жизнь на страницах книги с того, что разжигает пожары. По приказанию властей он обливает керосином и поджигает дома, где есть хотя бы одна книга, не говоря уже о библиотеках. Сломя голову мчатся пожарники по городу на своих ревуших автомобилях, едва только раздастся сигнал тревоги или, попросту говоря, телефонный донос. Достаточно кому угодно позвонить в пожарное депо и донести на соседа, прячущего книги, обыкновенные книги, будь то сочинения Шекспира или же Библия, все равно, – и вот уже свирепая команда молодчиков в шлемах, украшенных символической цифрой 451, с воем

похожие марсианские города. Исчезла юношеская поэтическая приподнятость. Исчезла... магия?

Слайд 16

Брэдбери засел за машинку и принялся писать – один рассказ за другим, не позволяя себе ни малейшей поблажки и выдавая текст десятками страниц в день. Он упорно продолжал искать свой «голос», и монолитная суровость редакторов стала давать трещины.

К середине 1943 года упорство Брэдбери принесло первые успехи. Его рассказы стали регулярно появляться в *Weird Tales*, реже – в других изданиях. Самым известным журналом фантастики оставался *Astounding* Джона Кэмпбелла – тот первым читал каждый новый рассказ Брэдбери, но не проявлял ни малейшего желания их публиковать. Такая фантастика ему не подходила.

Брэдбери мало-помалу стал дрейфовать в сторону литературы ужасов. Детские страхи были ему памяты, и пишущая машинка превращала их в стильные и необычные истории. В *Weird Tales* его уже числили постоянным автором. А в 1947 году у него даже вышел авторский сборник «Тёмный карнавал». Вышел и разошёлся довольно большим для этого издательства тиражом в три с небольшим тысячи экземпляров. Но, конечно, для мира «большой» литературы это пока ещё не было Настоящей Книгой.

В 1945 году Джулиус Шварц предложил один из рассказов Брэдбери в журнал *New Detective* и внезапно получил совершенно восторженный отзыв. Редактор Райерсон Джонсон писал: «Вне всяких сомнений, Брэдбери – самый интересный начинающий автор из всех, кого мне доводилось читать. Присылайте мне всё, что он напишет» [9; С. 22].

Стена жанрового загона была сломана. Рассказы Брэдбери расходились по детективным журналам, журналам мистики, да и по части научной фантастики наметился прорыв: в 1946 году журнал Planet Stories опубликовал «Пикник на миллион лет» – первый фрагмент того, что через несколько лет соберётся под обложкой с заголовком «Марсианские хроники»...

Слайд 17

Весной же 1946 года случилось то, что легко может произойти с каждым – особенно если вам двадцать пять, вы не чужды поэзии, а на дворе апрель. В книжном магазине Фаулера Рэй встречает девушку по имени Маргарет Сьюзан Макклор. До Марса ли тут было.

Впрочем... Океанский песчаный пляж на десятки миль словно нарочно был создан для влюбленных. Во время частых свиданий на берегу, Брэдбери хорошо это помнит (а миссис Брэдбери не отрицает), под шорох – аккомпанемент прибора – Маргарет вслух читала своих любимых Байрона и Сару Тисдейл. А Рэй всматривался в дрожание струившейся с горизонта лунной дорожки, слушал и повторял про себя запавшие в душу строки:

Не бродить уж нам ночами,
Хоть душа любви полна,
И по-прежнему лучами
Серебит простор луна... [т.1; С. 62]

Вспоминаете? Они прозвучат в одной из лучших новелл не написанных ещё «Марсианских хроник». Прозвучат такой же волшеббно-лунной ночью, а в воздухе, не по-июньски морозном, будет разлит свет всё тех же двух лун... 27 сентября в лос-анджелесской епископальной церкви мисс Макклор стала миссис Брэдбери.

Слайд 18

детскую комнату для своих малышей – ведь «детям нужно всё самое лучшее». Фирма, выпускающая эти комнаты, так и наименовала её «Всё для счастья». Сложная система проекционных аппаратов и всяческих приспособлений (разумеется, по последнему слову техники будущего) по желанию детей может мгновенно превращать детскую в любое место земного шара, приобретать любой вид. Но не сказочные сады влекут воображение детей механизированной эры. Их души ожесточены отсутствием в их жизни человеческой любви и тепла. По их велению комната превращается в сухую, выжженную солнцем тропическую пустошь – в африканский вельд. Они запирают в этой мрачной комнате собственных родителей, и те становятся жертвами разъярённых львов.

Слайд 28 видео; слайд 29

Смотрите, предостерегает автор, смотрите, в какую бездну жестокости и бездушия вы готовы бросить своих детей, забывая, что им нужно для счастья. При внешней жестокости и беспощадности этого рассказа можно с полной уверенностью сказать, что она исполнена самого настоящего гуманизма, подлинного и очень обострённого намерения помочь людям понять, куда не следует направлять усилия интеллекта, инженерного искусства, чтобы жизнь человека не становилась в результате всё невыносимее, всё бессмысленнее, всё бессердечнее.

Слайд 30

Этот мотив прослеживается и в самой знаменитой фантастической повести Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту». «Я написал «Фаренгейт» одним духом, за 9 дней. Мне пришлось позвонить пожарным, чтобы узнать, какова температура воспламенения бумаги. Так возникло название только что законченной повести «451° по Фаренгейту».

Рассказ заканчивается тем, что ребята открывают чулан и выпускают Марго. Но мы чувствуем, что это уже не те дети, что были в начале рассказа. Они получили урок, который никогда не забудут. И есть надежда, что в их сердце станет меньше жестокости и больше добра.

Писатель словно предупреждает: смотрите, что ожидает человечество, если дать волю жестокости, злобе, эгоизму, скрытых в людях.

А если человеческая жестокость перейдёт все пределы, может наступить кошмар, о котором мы читаем в рассказе «Улыбка». Страшная война погубила цивилизацию. И теперь бедные, голодные, угрюмые, озлобленные люди с наслаждением уничтожают всё, что осталось от былой культуры. Жгут книги, взрывают типографии, разбивают автомобили, плюют в картины великих художников и разрывают их на кусочки.

Слайд 24 видео; слайд 25

Но надежда на спасение есть.

Таинственно-печальная улыбка «Моны Лизы» проникает в сердце мальчика Тома, и сердце ребенка оживает, устремляясь навстречу добру и красоте. Том спасает во время «казни» великой картины кусочек холста с Улыбкой и уносит в своей ладони. Чудесная улыбка, добрая и ласковая, сохранена для мира. И, может быть, когда Том вырастет, он станет тем человеком, кто спасет мир и создаст новую цивилизацию.

Почти каждая из его фантастических книг и новелл содержит элементы предостережения от ошибок и просчетов. Эта тревога за будущее людей постоянна и устойчива. Очень выразителен в этом плане рассказ «Вельд» (1951 г.).

Слайд 26 видео; слайд 27

Откликнувшись на зазывные клики рекламы, американская супружеская пара приобретает полностью автоматизированную

В 1950 году вышли «Марсианские хроники» с посвящением «Моей жене Маргарет с искренней любовью». Фантазия Брэдбери оживила Марс – планету, которая со времён Герберта Уэллса считалась оплотом воинственных марсиан. «Слыханное ли это дело, чтобы марсиане – и вдруг не помышляли о вторжении?» – восклицает старый инопланетянин из рассказа «Бетономешалка» (1949 г.). Но ни он, ни прочие марсиане из романа в двадцати четырёх рассказах и интермедиях об этом действительно не думают. На фоне готовящейся на Земле атомной войны, которой не удаётся избежать, «хронографируется» история открытия, заселения и разграбления землянами четвёртой планеты Солнечной системы с 1999 по 2026 г. У Брэдбери Марс одновременно и материальный, осязаемый – и зыбкий, таинственный: под холодными лунами вырастают изящные города на берегах песчаных морей, по которым на кораблях-полупризраках невесомо проносятся марсиане в серебряных масках. По поверхности Марса прокладываются дороги, в каналах появляется вода, на каменистой почве вырастают тысячи саженцев, окутанных зеленоватой дымкой листвы, – наступает Зелёное Утро надежды.

По-разному прилетают люди на Марс: одни – увлекаемые романтикой открытий, приключениями в ещё не открытом мире, другие – гонимые угрозой неизбежной и истребительной войны, и, наконец, те, кто хочет превратить великую и чудесную планету в склад атомных бомб, в секретную лабораторию, где будет коваться жестокая смерть не только для людей, но и для всего живого в солнечной системе... В леденящем кровь великолепии гибели цивилизации нет пессимизма, как нет его и в рассказе «Будет ласковый дождь», где после исчезновения всех людей механический голос не перестаёт твердить горестные и жестокие стихи Сары Тисдейл о том, что всё

останется по-старому, когда исчезнет человечество: будет и ласковый дождь, и запах земли, и щебет птиц, и цветение садов, словно покрытых белой пеной, и никто не вспомнит про войну. Но ни ива, ни птица не прольют слёз о людях, уничтоживших самих себя...

Слайд 19 видео; слайд 20

Слишком велик социальный оптимизм Брэдбери: он только предупреждает, но не верит в чёрное будущее. Он знает, что человека можно убить, можно его уничтожить, но победить его нельзя!

Нет, отвечает Брэдбери, правящему меньшинству американского общества не удастся разграбить и разрушить Землю. Для этого она «слишком велика и великолепна»!

...А в других циклах рассказов люди пришли и заняли удивительные голубые материки Марса и высохшие красные моря. И всему дали свои имена. Старые марсианские названия были названием воды, воздуха, гор, названием снегов и каменных русел каналов, некогда питавших великие моря. И все названия были запечатлены на башнях, мраморных плитах и обелисках. И ракеты, подобно молотам, обрушивались на эти имена, кроша мрамор, скручивая медь и бронзу. И новые имена, не имевшие для марсиан смысла, поднялись над прахом и развалинами.

И марсиане ушли в горы и сами превратились в фантомы. А люди, дышавшие марсианским воздухом и глядевшие на маленькое Солнце и две крохотные Луны, сами стали смуглыми и золотоглазыми и бросили свои наскоро сколоченные посёлки и ушли в старые марсианские города, как будто они были марсианами, вернувшимися из экспедиции на Землю...

Слайд 21

Любое произведение Брэдбери заставляет задуматься. И неважно роман это или небольшой рассказ. Рассказ «Всё лето в один день» вроде бы фантастика. Да, есть планета Венера, но... и только. Больше ни грамма фантастики, всё остальное – наша суровая и реальная жизнь. Та, которая была несколько веков назад, та, которая есть и сейчас.

Это маленькое произведение достойно быть прочитанным каждым человеком, ведь к жестокости в мире сложно привыкнуть. Читая рассказ, внутри всё замирает, ведь всё это правда. Дети жестоки, они не так могут скрыть свои чувства, как взрослые. Дети искренни даже в своей злости. А проводником к этой злости являемся мы, взрослые. Дети берут с нас пример.

В рассказе «Всё лето в один день» жестокость проявляют дети по отношению к своей однокласснице Марго, которая на Венере живёт только несколько лет, она приехала сюда из штата Огайо, она видела Солнце постоянно до этих пор, а дети с Венеры видят его раз в 7 лет, т. е. первый и последний раз они видели солнце, когда им было 2 года. И Солнце приходит к ним на Венеру всего на пару часов. Дети его не помнят. Они не верят Марго, ведь она не похожа на них, она знает Солнце, знает его тёплые лучи, она грустит без Солнца на Венере. А детям кажется, что Солнца то и вовсе нет, что это всё ерунда и выдумки учёных. И дети запирают Марго в чулане с невыносимой жестокостью. И убегают смотреть на Солнце. Вот оно появилось. Дети бегают, играют, резвятся в лучах солнца, тянут руки к золотому сиянию, наслаждаются счастьем, которого никогда не испытывали. И только когда солнце исчезает и всё снова погружается в мрак и холод, они вспоминают о Марго. Дети испытывают такой стыд, что не смеют посмотреть в глаза друг другу.

Слайд 22 видео; слайд 23